

DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-479-489

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

«Записки из подполья» Ф.М. Достоевского в английской критике XX века

Е.А. Маркова

*Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук,
Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а;*

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2*

✉ glazkova1992@gmail.com

Аннотация. В статье прослеживается рецепция повести «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского в переписке, философских и литературно-критических работах таких писателей XX века, как Д.Г. Лоуренс, Д.М. Марри, К. Уилсон и А. Мердок. Отзывы указанных писателей хронологически и содержательно соответствуют двум основным волнам интереса к творчеству Достоевского в Англии – первая волна связана с ощущением «конца века», «смерти» христианского Бога и поисками богов новых, а вторая волна поднимается вслед за французским экзистенциализмом и его представлениями об иррациональном. Писатели называют ключевые характеристики Подпольного: тщеславие, эгоизм, раздвоенность личности, стремление к страданию ради наслаждения и неспособность к действию.

Ключевые слова: Достоевский, английская литература, Подполье, Подпольный человек, рецепция, критика

Благодарности и финансирование. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-90044 Достоевский «„Записки из подполья“ Ф.М. Достоевского и проблема „подпольного человека“ в культуре Европы и Америки конца XIX – начала XXI вв.».

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления в редакцию 17 июня 2021 г.; дата принятия к печати 14 июля 2021 г.

Для цитирования: *Маркова Е.А.* «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского в английской критике XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 26. № 3. С. 479–489. doi: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-479-489

Notes from Underground by F.M. Dostoevsky in XXth Century English Criticism

E.A. Markova

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya St, 121069, Moscow, Russian Federation;
Peoples' Friendship University of Russia,
10/2 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*
✉ glazkova1992@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the issue of the critical reception of F.M. Dostoevsky's *Notes from Underground* in the XXth century. Some letters, as well as books on philosophy and literary criticism by such writers as D.H. Lawrence, J.M. Murry, C. Wilson and I. Murdoch are analysed. The reviews by the given authors correspond to two waves of interest in Dostoevsky – the first one took place at the turn of the XXth century followed by the second one in the middle of the century. The writers name the key characteristics of the Underground Man: vanity, egoism, self-division, desire for suffering and inability to act. Some critics of Dostoevsky's *Notes* see the Underground Man as recurrent image and note his relevance to the ideas of existentialism, especially the one about inability to apprehend truth in a rational way.

Acknowledgements and Funding. The article was written as part of research grant project RFBR № 18-012-90044 Dostoevsky “*Notes from Underground* by F.M. Dostoevsky and the problem of ‘underground man’ in the culture of Europe and America of late XIX – early XXI centuries”.

Keywords: Dostoevsky and English literature, Underground, Underground Man, reception, criticism

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 17, 2021; accepted July 14, 2021.

For citation: Markova, E.A. (2021). *Notes from Underground* by F.M. Dostoevsky in XXth century English criticism. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(3), 479–489. (In Russ.) doi: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-479-489

Введение

Интерес к творчеству Ф.М. Достоевского (1821–1881) в Великобритании заявил о себе на исходе XX века. В год его смерти вышел в печать первый английский перевод – роман «Записки из мертвого дома» (1861) под названием *Buried Alive: or Ten Years Life of Penal Servitude in Russia*. До конца столетия на английском языке была опубликована большая часть романов и повестей Достоевского. Одним из исключений стала повесть «Записки из подполья», с англоязычным вариантом которой читатель познакомился лишь в 1913 году.

Вероятно, именно с поздним появлением перевода связана скудость рецензии этой повести в английской литературе рубежа веков и первой трети

XIX века. Впрочем, возможно и то, что «Записки» казались потенциальным переводчикам того времени текстом второго плана или еще менее, чем другие произведения Достоевского, вписывающимся в литературные каноны и вкусы эпохи. Вместе с тем в Германии и Франции практически все произведения Достоевского были переведены к 1890 году, поэтому в Великобритании Достоевский мог быть прочитан и на прочих европейских языках.

Показательна монография Х. Мачник «Восприятие Достоевского в Англии» (*Dostoevsky's English Reputation*, 1939), в которой рецепция творчества Достоевского в Великобритании была впервые осмыслена комплексно. Среди сотен откликов и мнений о других произведениях писателя в книге можно отыскать лишь три комментария, касающиеся «Записок». Дадим их краткий обзор.

Многие писатели в начале XX века находились под влиянием открытий З. Фрейда и его теории психоанализа, в связи с которой он рассматривает и творчество Достоевского. Английский писатель-фантаст Дж.Д. Бересфорд предпринимает попытку исследования произведений Достоевского в контексте психоанализа еще до Фрейда, в статье 1920 года «Психоанализ и роман» (*Psychoanalysis and the Novel*, 1920). «Бересфорд видит в Достоевском жертву „комплекса неполноценности“, страдающую от „невроза“, который был „настолько хорошо описан“ в „Записках из подполья“, что „эту историю саму по себе можно считать достаточным свидетельством“, описывающим его состояние» (Здесь и далее перевод наш. – Е.М.) [1. Р. 96]. Как исповедь биографического автора «Записки» восприняты и А. Ярмолинским, американским литературоведом и переводчиком [1. Р. 122].

Мачник также отмечает вклад в достоевистику Д.П. Святополк-Мирского, написавшего главу о Достоевском в одной из своих книг о русской литературе (*History of Russian Literature*, 1927). В этой главе Мирский называет «Записки» текстом, предвещающим и открывающим серию великих произведений Достоевского, опередивших свое время [1. Р. 132]. Сама Мачник полагает, что повесть занимает «центральное место» в творчестве писателя, что в ней впервые оспаривается не недостижимость абсолюта, но сама суть общепринятого гуманистического идеала [1. Р. 141].

«Подпольный» и Иов

Писатели рубежа XIX и XX веков оставили немного откликов на «Записки» и свидетельств их прочтения. Один из наиболее примечательных отзывов принадлежит Дэвиду Герберту Лоуренсу (David Herbert Lawrence, 1885–1930), который в начале XX века был увлечен русской литературой, особенно Достоевским. Это увлечение можно проследить в том числе в его корреспонденции. В письме С.С. Котелянскому, английскому литератору и переводчику русского происхождения, в также другу Лоуренса он сообщает о своем двойственном отношении к русскому писателю [2. Р. 37]. Если говорить именно о «Записках», интересно то, как Лоуренс облакает это ощущение

ние от чтения Достоевского в слова: «Я чувствую по отношению к Достоевскому нечто наподобие подпольной любви. Хотя он сам никогда не искал ее. Он был всем неприятен» [2. Р. 69]. Здесь таится очевидная аллюзия на «Записки из подполья», равно как и на творчество самого Лоуренса, в котором «подпольное» бытие облекается в иные образы, чем у Достоевского, и получает другое значение.

Нельзя сказать наверняка, когда и в чем переводе английский писатель познакомился с «Записками из подполья», однако можно высказать предположение, что знакомство состоялось в 1913 году (когда был опубликован первый перевод повести на английский язык, озаглавленный *Letters from the Underworld*), или же в 1914 году, когда Лоуренс пишет Г. Кэмпбеллу насчет его романа (никогда не опубликованного) [3. Р. 246–250]. В этом письме Лоуренс критикует финал романа, в котором главный герой, эгоист и себялюбец, кончает жизнь самоубийством. Именно это не нравится Лоуренсу – он предлагает изобразить не смерть самовлюбленной личности (это уже набило оскомину), но избавление от самого греха тщеславия. Именно это – исправление, спасение эгоиста – происходит, с точки зрения Лоуренса, в Книге Иова. Затем английский писатель заявляет о сходстве этой Книги и повести Достоевского, а также отмечает, что в «Книге» исправление тщеславной личности показано гораздо лучше, чем в «Записках».

Лоуренсовское сопоставление «Записок» с Книгой Иова напоминает об интерпретации повести Львом Шестовым, который в своей книге «На весах Иова. Странствования по душам» (1929) выявляет ту же самую параллель. Здесь сходство чисто типологическое – Шестов не мог быть знаком с письмом Лоуренса. Согласно Шестову, Достоевский однажды понял, что «небо и каторжные стены», «идеалы и кандалы» [4. С. 32] неразделимы; «есть только цепи, хотя и невидимые, но связывающие еще более прочно, чем тюремные кандалы» [Там же]. Это «новое видение», по Шестову, и «составляет основную тему „Записок из подполья“» [Там же].

В сущности, английский писатель использует ту же метафору, когда говорит о «Прометее прикованном» и «Прометее освобожденном». Между тем трактовки различаются – Шестов не упрекает Достоевского за его особое «видение», находит в нем ростки новой творческой философии, а Лоуренс тем временем интерпретирует образ Подпольного в критическом ключе – как всего лишь еще один вариант типа себялюбца, неспособного усмирить собственную гордыню.

«Подпольный» как человек мысли

В английской критике начала XX века реакция на Подполье Достоевского представлена не только точечными отзывами, как у Лоуренса, но и отдельным исследованием. Таковым можно назвать главу про Подполье в книге близкого друга Лоуренса Джона Миддлтона Марри (John Middleton Murry, 1889–1957) о Достоевском (*Fyodor Dostoevsky: A Critical Study*, 1916).

Русский писатель и его творчество стали одной из дискуссионных тем для Лоуренса и Марри. Марри, с обожанием относившийся к Достоевскому, часто противостоял критике Лоуренса. С публикацией труда Марри его дружба с Лоуренсом «дала трещину» [5. Р. 36], что вполне объяснимо.

Марри воспринимал Достоевского как визионера, требовавшего отказа от действительности, физической жизни ради достижения особого просветленного состояния сознания. Подобное видение принципиально расходится с лоуренсовскими концепциями витальности, зова плоти и крови. В толковании Марри все герои Достоевского устремлены к новым высотам сознания, стремятся обрести завершенность «я», преодолевая на этом пути различие добра и зла, все догмы и иерархии. Лоуренс же расценивает персонажей Достоевского как эгоистов, чьи личность и сознание бесповоротно расщеплены.

Возвращаясь к Подполью, отметим, что Марри понимает Подполье широко, как явление, практически полностью охватывающее творчество Достоевского. По Марри, «Записки из подполья» вербализуют смыслы, прежде сокрытые в ранних произведениях русского писателя. Подполье обнажает все то, что в «реальном мире», «настоящей жизни» было вытеснено. Подпольный – «человек мысли, а не действия» [6. Р. 90]. Его рассказ – открытый протест против «мира, который он ненавидит и от которого нет спасения» [Ibid], протест против мира как пространства, ограниченного законами природы. Хрупкий «баланс между жизнью внешней и жизнью внутренней, который Достоевский старался сохранить в своих первых произведениях, навсегда потерян» – настолько остро чувствует и сознает герой повести [6. Р. 91].

Вместе с тем, согласно концепции Марри, Подпольный страдает не только от того, что он видит за пределами «темного угла», но и от желания и одновременно неспособности «действовать». Под сомнение поставлено и само желание, поэтому любой намеренный «нелепый, жестокий или фантастический» [6. Р. 92] поступок призван подтвердить актуальность желания. Рассуждения Подпольного названы Марри «диалектикой поиска» [6. Р. 92]. Главный вопрос, с точки зрения критика, косвенно формулируемый Подпольным, звучит так: «Если позитивная истина неспособна противостоять [бессмысленности бытия], то какая истина способна?» [6. Р. 93].

В главе отмечены несколько вариантов интерпретации истории Подпольного. Не желая присоединиться к посчитавшим ее выдумками сумасшедшего, Марри предполагает, что «обычный человек» как форма существования был превзойден иной формой, представленной героем «Записок», который «лишь в Подполье может отыскать возможность для дальнейшего существования и который хочет жить, но не может, потому что „слишком сознающий“ человек неспособен принять реальность жизни» [6. Р. 94]. Здесь возникает парадокс: высшая форма человеческого бытия, порожденная прогрессом цивилизации, становится бесчеловечной [6. Р. 95].

Марри обращает внимание и на «что-то другое, совсем другое, которое» Подпольный «жаждет [обрести], но которое никак не найдет» [7. Р. 121]. Ис-

комое, по Марри, это «путь Жизни», ведь Подполье – это «живая смерть» [6. Р. 96]. Но путь этот не для Подпольного, не для человека мысли, но для человека действия.

Отношение героя к Лизе (колеблющееся от любви до ненависти) объясняется цитатой из другого произведения Достоевского, «Дневника писателя»: «...сознание своего совершенного бессилия помочь или принести хоть какую-нибудь пользу или облегчение страдающему человечеству, в то же время при полном вашем убеждении в этом страдании человечества, может даже обратить в сердце вашем любовь к человечеству в ненависть к нему» [8. С. 49]. Иными словами, Подпольный, желая любить и быть любимым, видел невозможность «исцеления», возвращения на «путь Жизни». Протест против жизни сделал жизнь (и любовь как ее важнейшую составляющую) невозможной – в этом причина Подполья.

Размышления Марри о тексте Достоевского и его герое порождают обшефилософские выводы, связанные, как кажется, с кризисом сознания, кризисом христианской Европы, который с исключительной силой заявил о себе на рубеже веков и который предвосхитил Достоевский. Марри различает в исповеди Подпольного декларируемое им принципиальное расхождение между догматами, нормами, прежними идеалами уходящего времени и неким новым положением вещей, новым «сверх-я», стремящимся к абсолютной свободе. Марри также отмечает персонифицированное Подпольным инфернальное, саморазрушительное начало: этот новый «сверхчеловек» жаждет заполнить свою внутреннюю пустоту чем-то «высоким», «прекрасным», стать для обездоленного существа спасителем, светом во тьме, но все эти вроде бы живительные порывы парадоксальным образом приводят к обратному результату – Подпольный все глубже забирается в «темный угол», все дальше уходит по пути самобичевания и самоотвержения, «живой смерти». Определил Марри и „переходность“ Подполья, интерпретируемого им как состояние терпеливого ожидания – пока из «ничтожества и бессилия родится нечто новое» [6. Р. 100].

«Подполье» и экзистенциализм

В середине XX века английские писатели снова обращаются к «Запискам из подполья» во многом благодаря французским экзистенциалистам, для которых повесть Достоевского стала одним из опорных текстов [9]. К экзистенциализму примыкает творчество Колина Уилсона (Colin Henry Wilson, 1931–2013), особенно примечательное для нашего исследования книгой «Посторонний» (*The Outsider*, 1956). Она посвящена судьбе Постороннего – героя произведений Ф.М. Достоевского, А. Камю, Ж.-П. Сартра, Ф. Кафки, Т.С. Элиота, Г. Гессе, Э. Хемингуэя и других писателей XX века. Уилсон пытается выяснить причины Подполья: «Он Посторонний, потому что разочарован и страдает неврозом? Или он страдает неврозом, потому что некий глубинный импульс заставляет его искать одиночества? <...> Все мужчины

и женщины таят в себе этот опасный, невыразимый импульс, и все же они притворяются перед собой, перед другими; их благоприличие, их философия, их религия – все это попытки приукрасить, заставить выглядеть цивилизованным и рациональным то, что на самом деле является звериным, беспорядочным, иррациональным. Посторонний потому и Посторонний, что стоит за Истиной» [10. Р. 13]. Здесь Уилсон экстраполирует на весь род людской тезис Достоевского о том, что Подпольный – «настоящий человек русского большинства» [11. С. 329].

«Слабое место» Постороннего, по Уилсону, заключается в его «ненормальности, интроверсии», «раздвоенности ‘я’» [10. Р. 14], и они же оказываются одними из важнейших его черт. Среди прочих его характеристик – «чувство собственной инаковости, отчужденности, ирреальности» [10. Р. 15]; ощущение иррациональности, беспорядочности бытия; критическое отношение к обычной жизни, «человеческой жизни, проживаемой человеком в человеческом обществе» (такая жизнь — «сон, она не подлинна») [10. Р. 18].

Не углубляясь в предлагаемый книгой анализ всех вариантов Постороннего в мировой литературе XIX–XX веков, проследим, какое место в ряду этих образов занимает Подпольный. Хотя Уилсон отмечает, что «образ Постороннего присутствует во всем, что Достоевский когда-либо написал» [10. Р. 157], наиболее значимыми в свете выбранной темы автору труда о Постороннем представляются три романа: «Записки из подполья», «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы». «Записки» названы «первым опытом исследования темы Постороннего в современной литературе» и «уникальным памятником экзистенциалистской мысли» [10. Р. 157].

Апеллируя к буквальному, конкретному смыслу слова «подполье» (пространство под полом здания), Уилсон приходит к выводу, что Подпольный – жук, «жук-человек» («beetle-man»), который «пытается дать определение чему-то важному» [Ibid]. Состояние Подпольного, «завидующего цельности более простых и глупых людей» [10. Р. 158], сравнивается с самоощущением Т.Э. Лоуренса, описывающего в мемуарах о службе на Ближнем Востоке («Семь столпов мудрости» / *Seven Pillars of Wisdom*, 1922) свое желание и неспособность относиться к местному населению так, как другие офицеры. Подобные чувства – следствие того, что Подпольный «слишком много думает» [Ibid] и потому не может получать удовольствие от обыденных вещей. Уникальной чертой Подпольного, выделяющей его из общего ряда Посторонних, Уилсон называет наслаждение страданием. Именно эта особенность является основой его диалектики и именно вокруг нее разворачивается дискурс Подпольного о свободе от оков «рационального гуманизма» [10. Р. 159].

В рассуждениях Подпольного Уилсон распознает соприкосновение с идеями Ницше и Фрейда, к чьему «анализу механизмов, объясняющих иррациональные поступки человека», Подпольный «испытал бы отвращение» [Ibid]. Продолжая поиски созвучий и параллелей, автор книги о Постороннем добавляет к Достоевскому и Ницше имена Кьеркегора и У. Блейка и за-

являет, что все они, «в сущности, верили в одно и то же» [10. Р. 160], несмотря на разницу вероисповеданий, и что «ценности Постороннего носят религиозный характер» [10. Р. 161].

Подводя итоги своего разбора повести Достоевского, английский писатель замечает, что «если бы пришлось судить о Достоевском только по этому произведению, вердикт был бы такой же, какой вынес Шоу Шекспиру – он познал слабость человека, не познав его силы» [10. Р. 162]. Чтобы опровергнуть этот предварительный тезис, Уилсон обращается к образу Постороннего в других романах Достоевского и заключает, что от более ранних произведений к более поздним Посторонний Достоевского преобразуется. Ничтожный «жук-человек» («Бедные люди», «Двойник», «Записки из подполья») трансформируется в более активного, деятельного Постороннего, «который знает, кто он и куда идет» («Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы»), и который, наконец, эволюционирует в трех братьев Карамазовых, синтезирующих «тело, разум и чувства» [10. Р. 178].

С экзистенциализмом связано и творчество Айрис Мердок (Jean Iris Murdoch, 1919–1999). Она вела курс философии экзистенциализма в Оксфорде и посвятила одно из своих исследований Сартру («Сартр: романтический рационалист» / *Sartre: Romantic Rationalist*, 1953, 1987). Вместе с тем отношения писательницы с этим направлением философской мысли нельзя назвать простыми – Мердок отвергала многие положения экзистенциализма сартровского типа (абсолютная свобода воли и выбор как бремя, сконцентрированность «я» на себе, безбожие и отрицание норм морали).

Возможно, именно благодаря экзистенциалистам Достоевский, и особенно «Записки из подполья», прочно вошел в круг чтения Мердок: в одной из своих работ по философии писательница называет Достоевского «радикальным экзистенциалистом» [12. Р. 36]. В труде «Экзистенциалисты и мистики: о философии и литературе» (*Existentialists and Mystics: Writings on Philosophy and Literature*, 1997) последняя часть посвящена «новому прочтению» Платона, которым писательница увлеклась, отойдя от экзистенциализма. Упоминание «Записок» появляется в подглаве об эстетических взглядах древнегреческого философа («Огонь и солнце: почему Платон изгнал художников» / *The Fire and the Sun: Why Plato Banished the Artists*). Отвечая на вопрос, поставленный в заголовке статьи, Мердок приходит к выводу, что Платон считал художников (в широком смысле этого слова) опасным феноменом, потому что они обладают властью над умами и душами людей и в то же время далеки от действительности, лишь имитируют ее и тем самым ее искажают. Для Платона красота ассоциируется с порядком, гармонией и поэтому не может соприкасаться с абсурдом.

По Мердок, одну из манифестаций абсурда – «φθωος» – Платон видел в древнегреческом театре (и шире – «во всей трагикомедии жизни»). Писательница определяет «φθωος» как «ликующую зависть в злобе» («gleeful envious malice» [13. Р. 452]). Именно с этим явлением Мердок сближает «Записки из подполья»: с ее точки зрения, Подпольный «олицетворяет и анали-

зирует этот феномен, а также предлагает любовное описание того, как искусство может быть ‘использовано’ подпольным сознанием» [13. Р. 452]. Под «описанием» писательница имеет в виду следующий отрывок из Достоевского: «Все, впрочем, преблагополучно всегда оканчивалось ленивым и упоительным переходом к искусству, то есть к прекрасным формам бытия, совсем готовым, сильно украденным у поэтов и романистов и приспособленным ко всевозможным услугам и требованиям. Я, например, над всеми торжествую» [7. С. 133]. Здесь Подпольный (а вслед за ним и Мердок, и, что любопытно, другие историки философии [14. Р. 372; 15. Р. 110]) утверждает способность искусства создавать иллюзию и заставлять человека ощущать и переживать в своих фантазиях то, что он не может ощутить и пережить вне опыта обращения к произведению искусства.

Выводы

Несмотря на разнородность источников, в которых английские писатели XX века оставили критические высказывания о «Записках из подполья» (переписка, философский и литературно-критические труды), и временную и стилистическую дистанцию, существующую между указанными авторами, можно выделить точки соприкосновения между представленными мнениями. В начале XX века внимание к повести (и Достоевскому в целом) объясняется ее созвучностью идеям, настроениям, интуициям и культурно-историческим процессам той эпохи (ускорение секуляризации, субъективизация истины, «конец века», «сверхчеловек»). При этом с индивидуальными творческими концепциями философия Подпольного может как соотноситься (Марри), так им и противостоять (Лоуренс). Всплеск интереса к «Запискам» в середине века можно увязать с влиянием французского экзистенциализма, для которого повесть Достоевского была фундаментальным текстом. Иллюзорность рационального постижения истины, утверждаемая Подпольным, более иных черт «подпольного» дискурса увлекает писателей экзистенциального направления (к ним, впрочем, отчасти присоединяется и Марри).

Все критики, кроме Мердок, замечают отталкивающий характер Подпольного. Вместе с тем доминантой его личности называются разные черты: эгоизм и тщеславие (Лоуренс), ее раздвоенность и упоение страданием (Уилсон). В исследованиях, посвященных именно Достоевскому и тяготеющих к литературоведению (Марри, Уилсон), отмечается важность места «Записок» в творчестве русского писателя, а также неспособность Подпольного к действию и его стремление отыскать нечто очень важное, в тексте не проговоренное. Лоуренс и Уилсон указывают, хотя и по-разному, на повторяемость образа Подпольного в европейской литературе.

Библиографический список

- [1] Muchnic H. *Dostoevsky's English Reputation (1881–1936)*. Northampton (MA): Smith College, 1939. 219 p.

- [2] *Lawrence D.H.* The Quest for Rananim. D.H. Lawrence's Letters to S.S. Koteliensky 1914 to 1930 / ed. by G.J. Zyataruk. L.: McGill – Queen's UP, 1970. 437 p.
- [3] *Lawrence D.H.* Letter to Gordon Campbell, 20 December 1914 // *The Letters of D.H. Lawrence*. Cambridge: CUP, 1979. Vol. 2. P. 246–250.
- [4] *Шестов Л.* На весах Иова // Лев Шестов. Сочинения: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2. С. 25–402.
- [5] *Kaye P.* Dostoevsky and English Modernism 1900–1930. Cambridge: CUP, 1999. 248 p.
- [6] *Murry J.M.* Fyodor Dostoevsky. A Critical Study. N.Y.: Russel & Russel, 1966. 263 p.
- [7] *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья // *Собрание сочинений: в 30 томах*. Л.: Наука, 1973. Т. 5. С. 133–245.
- [8] *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь–декабрь // *Собрание сочинений: в 30 томах*. Л.: Наука, 1982. Т. 24. 518 с.
- [9] *Kaufmann W.A.* Existentialism from Dostoevsky to Sartre. N.Y.: Meridian Books, 1956. 319 p.
- [10] *Wilson C.* The Outsider. Boston (MA): Houghton Mifflin, 1956. 288 p.
- [11] *Достоевский Ф.М.* Подготовительные материалы: заметки, план, наброски. Январь–ноябрь 1875 // *Собрание сочинений: в 30 томах*. Л.: Наука, 1976. Т. 16. С. 252–439.
- [12] *Murdoch I.* The Sovereignty of Good. N.Y.: Schocken Books, 1971. 106 p.
- [13] *Murdoch I.* The Fire and the Sun: why Plato banished the artists // *Existentialists and Mystics: Writings on Philosophy and Literature*. N.Y.: Penguin Books, 1999. P. 386–463.
- [14] *Cropp M., Hargreaves Lee K., Sansone D.* Euripides and Tragic Theatre in the Late Fifth Century. Champaign (IL): Stipes Pub. LLC, 2000. 525 p.
- [15] *Rehm R.* The Play of Space: Spatial Transformation in Greek Tragedy. Princeton (NJ): PUP, 2020. 464 p.

References

- [1] Muchnic, H. (1939). *Dostoevsky's English Reputation (1881–1936)*. Northampton (MA): Smith College Publ.
- [2] Lawrence, D.H. (1970). *The Quest for Rananim. D.H. Lawrence's Letters to S.S. Koteliensky 1914 to 1930*. G.J. Zyataruk (Ed.). London: McGill – Queen's UP.
- [3] Lawrence, D.H. (1979). Letter to Gordon Campbell, 20 December 1914. In *The Letters of D.H. Lawrence* (Vol. 2, pp. 246–250). Cambridge: CUP.
- [4] Shestov, L. (1993). In Job's Balances. L. Shestov. In *Collected works* (Vol. 2, pp. 25–402). Moscow: Nauka. (In Russ.).
- [5] Kaye, P. (1999) *Dostoevsky and English Modernism 1900–1930*. Cambridge: CUP.
- [6] Murry, J.M. (1966). *Fyodor Dostoevsky. A Critical Study*. New York: Russel & Russel.
- [7] Dostoevskij, F.M. (1973). Notes from Underground. In *Collected works* (Vol. 5, pp. 133–245). Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- [8] Dostoevskij, F.M. (1982). The Writer's Diary 1876. November–December. In *Collected works* (Vol. 24). Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- [9] Kaufmann, W.A. (1956). *Existentialism from Dostoevsky to Sartre*. New York: Meridian Books.
- [10] Wilson, C. (1956). *The Outsider*. Boston (MA): Houghton Mifflin.
- [11] Dostoevskij, F.M. (1976). Preparatory Materials. Notes, Plans, Drafts. January–November 1875. In *Collected works*. (Vol. 16, pp. 252–439). Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- [12] Murdoch, I. (1971). *The Sovereignty of Good*. New York: Schocken Books.
- [13] Murdoch, I. (1999). The Fire and the Sun: why Plato banished the artists. In *Existentialists and Mystics: Writings on Philosophy and Literature* (pp. 386–463). New York: Penguin Books.
- [14] Cropp, M., Hargreaves, Lee K., Sansone, D. (2000). *Euripides and Tragic Theatre in the Late Fifth Century*. Champaign (IL): Stipes Pub. LLC.
- [15] Rehm, R. (2020). *The Play of Space: Spatial Transformation in Greek Tragedy*. Princeton (NJ): PUP.

Сведения об авторе:

Маркова Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. ORCID: 0000-0001-5954-1440; e-mail: glazkova1992@gmail.com

Bio note:

Ekaterina A. Markova, PhD, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0001-5954-1440; e-mail: glazkova1992@gmail.com